

DOI: 10.31857/S086919080007730-0

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ: ИССЛЕДОВАНИЯ СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-КАРАКАЛПАКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА УСТЮРТЕ И БОЛЬШОМ КЫРК-КЫЗЕ

© 2019

Е.П. КИТОВ^{a, b}, С.Б. БОЛЕЛОВ^c, А.С. БАЛАХВАНЦЕВ^b^a – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0002-0159-3288; kadet_eg@mail.ru^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^b – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com^c – Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия^c – ORCID: 0000-0003-1423-293X; bsb1958@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются результаты первого сезона работы Южно-Приаральской каракалпакско-русской комплексной археологической экспедиции, созданной в результате соглашения Института востоковедения РАН, Государственного музея Востока, Каракалпакского научно-исследовательского Института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии Наук Республики Узбекистан и Нукусского государственного педагогического института им. Ажуньяза. На первом этапе, 15–30 апреля, раскопано 23 кургана эпохи ранних кочевников на могильнике Гунжелли 1 (плато Устюрт, Шуманайский район Каракалпакии), а также изучен караван-сарай Гунжелли 2. Исследования Большого Гунжеллийского кургана (Гунжелли 3) позволили сделать вывод о двух стадиях его функционирования: первая, судя по находкам хорезмийской круговой керамики IV–I вв. до н.э., датируется этим временем; на второй стадии (III–IV вв. н.э.) в лежащую в основании кургана каменную конструкцию-крепиду было впущено десять оссуариев с костями погребенных по зороастрийскому обряду. На втором этапе, 2–17 мая, экспедиция переместилась в Илликалинский район Каракалпакии, где исследовались цитадель Большого Кырк-Кыза и Западный загородный комплекс. В ходе раскопок на гребне крепостной стены был полностью вскрыт участок стрелковой галереи по уровню, как можно предполагать, нижнего пола. Кроме того, раскопан значительный участок цитадели, примыкающий к оборонительной стене крепости. При раскопках Западного загородного комплекса, датированного по размерам кирпича и находкам керамики IV–II вв. до н.э., были выявлены следы существования полихромной живописи и монументальной скульптуры из необожженной глины.

Ключевые слова: Хорезм, Устюрт, Гунжелли, ранние кочевники, Большой Кырк-Кыз, Западный загородный комплекс.

Для цитирования: Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С. Возвращение в Древний Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 52–70. DOI: 10.31857/S086919080007730-0

THE RETURN TO ANCIENT CHORASMIA: EXPLORATIONS OF THE JOINT KARAKALPAK-RUSSIAN COMPLEX ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE USTYURT PLATEAU AND AT BOL'SHOY K'IRK-K'IZ

© 2019

Egor P. KITOV^{a, b}, Sergey B. BOLELOV^c, Archil S. BALAKHVANTSEV^b^a – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^{a, b} – ORCID: 0000-0002-0159-3288; kadet_eg@mail.ru^b – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com^c – The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia^c – ORCID: 0000-0003-1423-293X; bsb1958@yandex.ru

Abstract: *The article covers the main findings of the first season of the South Aral Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition, created according to the agreement of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences), the State Museum of Oriental Art; Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, and Nukus State Pedagogical Institute named after Azhiniyaz. At the first stage (April 15–30), during the work at Gunzheli Burial Ground 1 (Ustyurt plateau, Karakalpakstan Shumanai region), there were excavated 23 burial mounds of the early nomadic era, as well as Caravanserai (Gunzheli 2). Studies of the Greater Gungeli mound (Gunzheli 3) allowed to make conclusions about two stages of its functioning: The first, judging by the findings of the Chorasmian wheel-turned pottery of the 4th–1st centuries BC, dates accordingly; during the second stage (3rd–4th centuries AD), ten ossuaries with bones, buried according to the Zoroastrian rite, were let into the stone structure-crepe located at the base of the mound.*

For the second stage (May 2–17), the expedition moved to the Ilikalli region of Karakalpakstan, where the citadel of the Bol'shoy K'irk-K'iz and the Western suburban complex were explored. During excavations on the crest of the fortress wall we completely uncovered a section of the rifle gallery at the level, as can be assumed today, of the lower floor. In addition, a significant section of the citadel adjacent to the defensive wall of the fortress was excavated. During the excavation of the Western suburban complex, dating from the size of bricks and ceramics findings 4th–2nd centuries BC, there were revealed traces of polychrome painting and monumental unbaked clay sculpture.

Keywords: Chorasmia, Ustyurt, Gunzheli, early nomads, Bol'shoy K'irk-K'iz, Western country complex.

For citation: Kitov E.P., Bolelov S.B., Balakhvantsev A.S. The Return to Ancient Chorasmia: Explorations of the Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition on the Ustyurt Plateau and at Bol'shoy K'irk-K'iz. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 52–70. DOI: 10.31857/S086919080007730-0

На протяжении 30–80 гг. XX в. исследование Древнего Хорезма, осуществлявшееся под руководством выдающегося ученого С.П. Толстова и его учеников, было одним из ключевых направлений развития советской археологии и востоковедения. Однако после распада Советского Союза эта работа на долгие годы практически пресеклась. Только в сентябре 2018 г. небольшим отрядом волонтеров под руководством к.и.н. Е.П. Китова при поддержке Каракалпакского научно-исследовательского Института Гуманитарных наук были раскопаны пять курганов на чинке Устюрта в могильнике Гунжели 1. Проведенные раскопки продемонстрировали возможность и перспективность совместных исследований, и после обмена письмами между директором Каракалпакского научно-исследовательского Института Гуманитарных наук КК ОАН РУз А.И. Альниязовым и научным руководителем ИВ РАН академиком В.В. Наумкиным было принято решение об организации Южно-Приаральской каракалпакско-российской комплексной археологической экспедиции¹. Заключение соответствующих договоров о сотрудничестве сделало возможным участие в экспедиции специалистов из Государственного музея Востока и студентов Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза. Так состоялось возвращение российских археологов в Древний Хорезм.

На первом этапе, 15–30 апреля 2019 г., работы развернулись на Восточном чинке Устюрта, который представляет собой возвышающийся над дельтовой равниной изрезанный крутыми и пологими обрывами край, протянувшийся на сотни километров с севера на юг. Здесь, на границе Шуманайского и Торткульского районов, специалистами Каракалпакского научно-исследовательского Института Гуманитарных наук в 2015 г. был открыт могильник Гунжели 1 [Амиров, Ходжалепесов, 2015, с. 141]. Памятник находится в 1,5 км к северо-западу от населенного пункта Гунжеликоль и в 1,5 км к югу от современ-

¹ Начальник экспедиции с каракалпакской стороны В.В. Ягодин (КИГН КК ОАН РУз), заместитель – Н. Сапаров (КИГН КК ОАН РУз); с российской – к.и.н. Е.П. Китов (ИВ РАН), заместитель – д.и.н. А.С. Балахванцев (ИВ РАН); научный руководитель экспедиции – к.и.н. С.Б. Болелов (ГМВ).

ного кладбища Кадырбай. Данное место представляет собой мыс шириною около 900 м, который вклинивается в равнину приблизительно на 1,3 км. На северо-восточном краю мыса расположен караван-сарай Гунжели ² [Амиров, Ходжалепесов, 2015, с. 142], а на южной оконечности – курганный могильник, протянувшийся вдоль края чинка более чем на 600 м и первоначально состоявший из 30 насыпей (рис. 1)³.

Земляные насыпи курганов имеют круглую, сферо-коническую и уплощенную форму. Как показали наблюдения, центральные оси крупных курганов отклоняются относительно погребальной ямы, как правило, на юг и восток, что объясняется воздействием ветров, дующих поочередно с севера и с запада. В планиграфическом отношении какой-либо системы расположения курганов в могильнике не наблюдается. Можно лишь отметить, что крупные курганы стоят обособленно, а мелкие расположены скученно, и в некоторых случаях насыпи соприкасаются друг с другом.

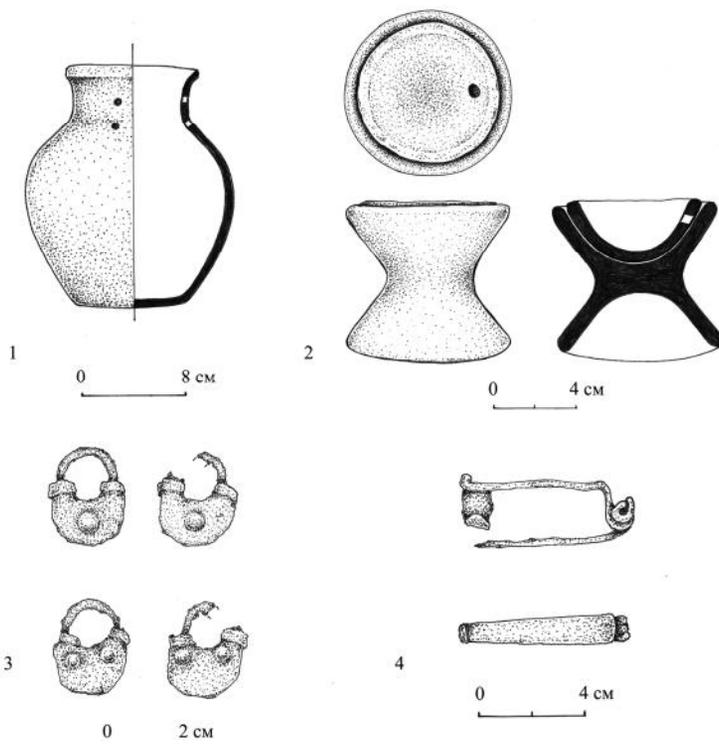

Рис. 2. Находки из кургана 3: 1 – круговой сосуд; 2 – курильница; 3 – серьги-лунницы; 4 – фибула.

За две недели было раскопано двадцать три кургана. Под тринадцатью из них находились индивидуальные погребения в ориентированных в меридиональном направлении прямоугольно-удлиненных или трапецевидных ямах, обложенных по периметру и перекрытых каменными плитами. Абсолютное большинство костяков было ориентировано головой в северный сектор, а сами погребения, судя по сопутствующему инвентарю (рис. 2), относятся к позднесарматской культуре II–III вв. н.э. Аналогичные погребальные сооружения в могильнике Казыбаба были отнесены В.Н. Ягодиным к группе I варианту 1 позднесарматских погребений [Ягодин, Китов, Ягодин, 2017]. Подобные формы

² Памятнику будет посвящена отдельная публикация.

³ Рисунки 1, 5, 8, 11, 15, 16 находятся на цветной вклейке.

могильных ям стоят на втором месте после подбоев среди позднесарматских погребений Волго-Уральского региона, когда северная ориентировка становится преобладающей [Мошкова, 1989, с. 192]. Десять курганов являются кенотафами или кульгово-поминальными комплексами и не содержат могильных ям.

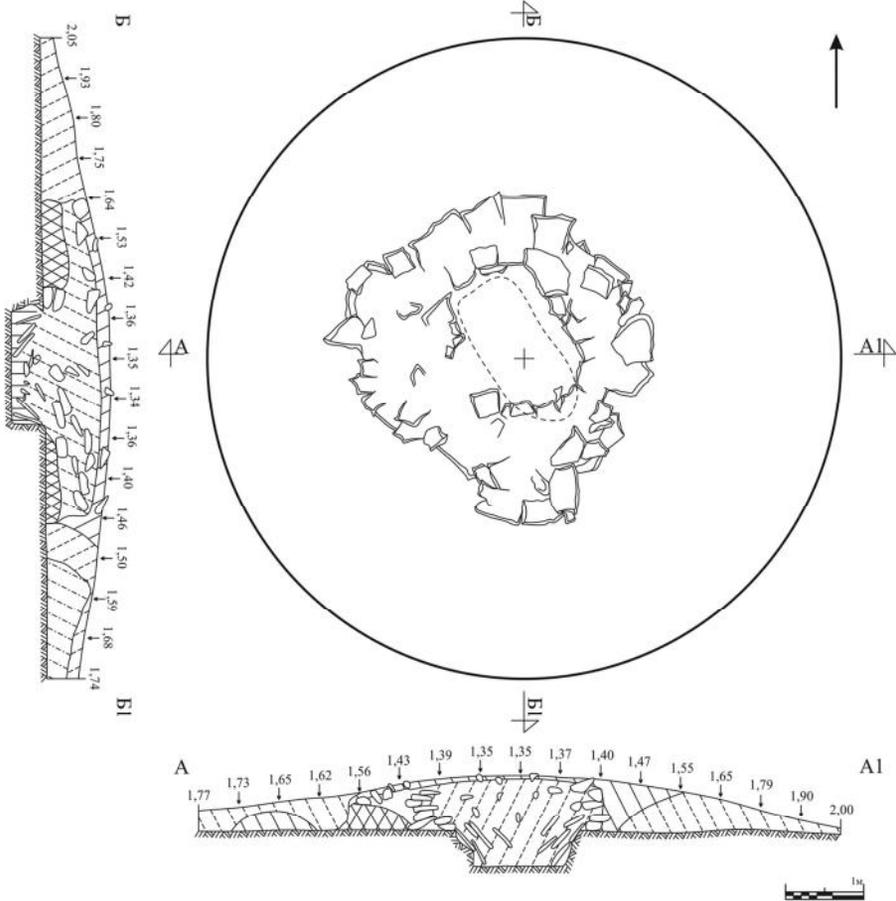

Рис. 3. Курган 3: план и разрез кургана.

Наиболее полное представление о господствующем типе погребальных сооружений и присутствующем в них инвентаре дает курган № 3 (рис. 3). Центральную часть насыпи кургана занимает конструкция из плоских прямоугольных плит песчаника и бесформенных камней ракушечника и известняка. Длина конструкции по линии север-юг составляет 4 м, по линии запад-восток – 3,6 м, высота – 0,5 м. Могильная яма длиной 2,05 м ориентирована ССЗ-ЮЮВ (рис. 3). На ее каменном дне расчищен непотревоженный скелет женщины 30–40 лет, лежащий вытянуто на спине, головой на север (рис. 4). Вдоль большой берцовой кости, под камышом, был зафиксирован деревянный тлен от предмета прямоугольной формы. Рядом с черепом были обнаружены две серьги-лунницы, изготовленные из дерева и обтянутые бронзой. На тыльной и лицевой стороне серьги имеются соответственно по одному и по два отверстия, в которые вставлены округлые камни белого цвета. В месте стыка лунницы и дужки находятся обоймы крепления толщиной 0,3 см (рис. 2,3).

В области кистей рук найдены бусы различной формы из камня и пасты, а в районе грудной клетки – ожерелье, состоящее из скрученной с двух сторон металлической проволоки в пять оборотов с каменными бусами посередине. Там же находилась бронзовая фибула, спинка трапецевидной формы которой постепенно расширяется к головке, а сплошной пластинчатый приемник треугольной формы заканчивается завитком (рис. 2,4). Рядом с левой плечевой костью обнаружены изготовленный из двух витков бронзовой пластины цилиндр, который с одной стороны закрывался крышечкой; состоящий из двух полусфер бронзовый колокольчик и керамическое пряслице.

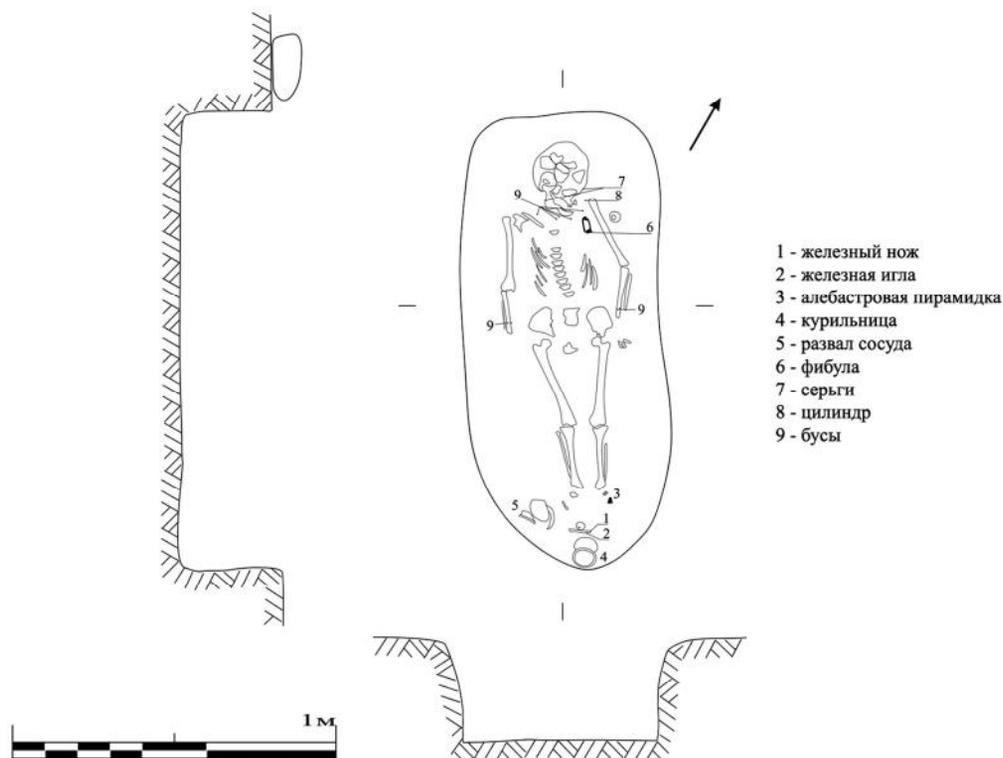

Рис. 4. Курган 3: план и разрез погребения.

В южной половине могильной ямы, между стопами погребенной и стенкой были найдены железные коррозированные нож и игла, а также алебастровая пирамидка (рис. 4,1–3). Рядом стояла чернолощенная керамическая курильница биконической формы на поддоне, в верхнюю часть которой вставлялась округлая плошка с отверстием в стенке (рис. 2,2). Там же находился развал красноглиняного кругового плоскодонного сосуда с шаровидным туловом, прямым выделенным горлышком и слегка отогнутым наружу, скругленным и аккуратно подрезанным с внешней стороны под прямым углом венчиком (рис. 2,1).

Наиболее четкими хроноиндикаторами являются изделия из металла. Так, фибула из кургана 3 по разработанной А.М. Амброзом типологии относится к группе 13 варианту 8 крупных фибул с коленчато-изогнутой спинкой с завитком на конце [Амброз, 1966, с. 46–47, 118]. Такие фибулы А.М. Амброз датирует концом III – началом IV вв. н.э., А.С. Скрипкин – серединой III – IV в. [Скрипкин, 1984, с. 32, 107]. М.Г. Мошкова считает фибулы с завитком характерным явлением для восточных районов Южного Приуралья и

отводит им весь III в., с возможным началом во второй половине II в. [Мошкова, 2000, с. 188–190]. Серьги-лунницы (калачевидной формы) находят широкие аналогии в позднесарматских памятниках и датируются М.Г. Мошковой III в. [Мошкова, 1989, с. 201].

Вместе с тем некоторые курганы явно относятся к более ранней эпохе. Так, в могильной яме кургана 21 был обнаружен круговой красноглиняный красноангобированный кувшин с вертикальной ручкой (рис. 5), полная аналогия которому известна в Калалыгыр 2 [Боделов, 2004, рис. 2/23] и датируется III–II вв. до н.э. [Боделов, 2004, с. 140]. Таким образом, данный курган следует отнести к завершающей стадии раннесарматской (прохоровской) культуры, видимо, ко II в. до н.э.

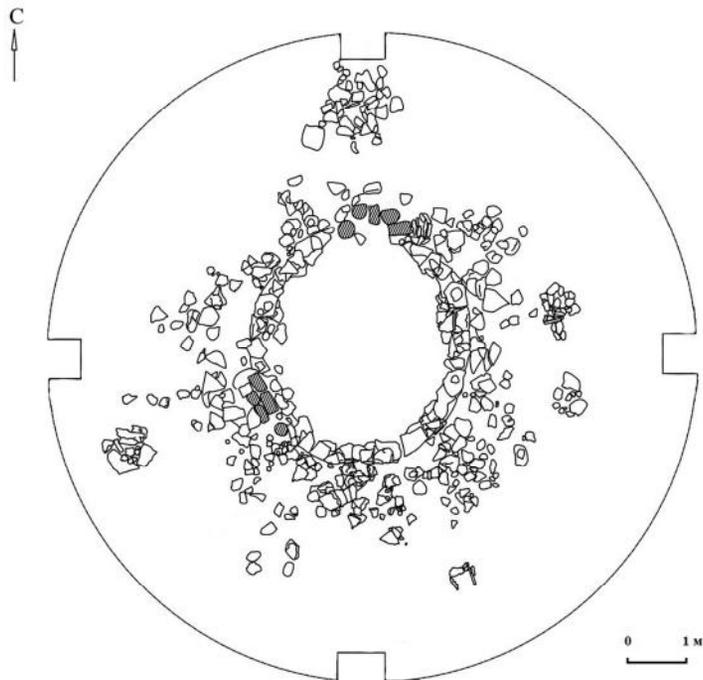

Рис. 6. План Большого Гунжелийского кургана (Гунжели 3).

В ходе археологической разведки 25 апреля 2019 г. в 1,2 км к северо-западу от Гунжели 1 был обнаружен Большой Гунжелийский курган (Гунжели 3). Высота кургана – 1,2 м, диаметр – 16 м. При снятии насыпи была выявлена лежащая в основании кургана каменная конструкция-крепида (приблизительно 40×40 см в сечении, внутренний диаметр – 4,5 м). Исследования памятника позволяют выдвинуть предположение о двух стадиях его функционирования: первая, судя по находкам на поверхности кургана и в его насыпи хорезмийской круговой керамики IV–I вв. до н.э., датируется этим временем; на второй стадии (III–IV вв. н.э.) в крепиду было впущено десять оссуариев с костями погребенных по зороастрийскому обряду (рис. 6).

На втором этапе, 2–17 мая, экспедиция переместилась в Илликаллинский район Каракапакии, к Большой Кырк-кыз-кале. Впервые крепость привлекла внимание ученых в 1913 г., когда Д.Д. Букинич и В.В. Цинзерлинг проводили обследование земель правобережного Хорезма на предмет их освоения для сельскохозяйственных нужд [Андрианов, 1969, с. 130]. Затем Большой Кырк-Кыз был осмотрен С.П. Толстовым в 1938–1939 гг. [Толстов, 1948, с. 134], который снял схематический план крепости и на основании

подъемного материала отнес ее к первым вв. н.э. К аналогичному заключению о дате строительства пришел и Я.Г. Гулямов [Гулямов, 1957, с. 100–102].

В начале 60-х годов XX в., в ходе изучения древней ирригации Хорезма, окрестности памятника были детально обследованы археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Б.В. Андрианова [Андрианов, 1969, с. 131–133, рис. 3]. Тогда же небольшие по масштабу раскопки в окрестностях памятника провела Е.Е. Неразик [Неразик, 1966, с. 101–103, 105–108]. В 1968 г. крепость обследовал архитектурно-археологический отряд Хорезмской экспедиции под руководством Б.И. Вайнберг и М.С. Лапинова-Скобло. К сожалению, результаты их исследований не были опубликованы.

В первой половине 80-х годов памятник неоднократно обследовался сотрудниками Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии ККО АН РУз, которые детально исследовали и описали систему фортификации крепости, а также на основании подъемного материала датировали ее возникновение IV–III вв. до н.э. [Хожаниязов, 1997, с. 116].

Рис. 7. Большой Кырк-Кыз: крепость и окрестности.

Большой Кырк-Кыз, как это можно заключить из рекогносцировочных и визуальных исследований, является центром сравнительно крупного оазиса, расположенного в хвостовой части магистрального Беркут-калинского канала. Это прямоугольная в плане кре-

пость размерами около 250×215 м с мощными оборонительными стенами (рис. 7), включавшими в себя двухэтажную стрелковую галерею шириной 3 м. со стреловидными бойницами. Памятник ориентирован углами по сторонам света. Оборонительные стены фланкированы прямоугольными двухэтажными башнями, отстоявшими друг от друга на приблизительно на 25,5 м. Углы крепости укреплены спаренными, расположенными перпендикулярно друг к другу башнями, образующими фигуру в форме «ласточкина хвоста». Ширина башен около 10 м. От линии стены фронтальные башни выступают приблизительно на 8 м.

Стены крепости возведены на пахсовом цоколе и сложены из чередующихся поясов пахсы и сырцового кирпича. С уверенностью можно говорить, что внутрисканский коридор был двухэтажным, а его перекрытие – плоским. Гнезда балок, которые четко фиксируются в стенах, расположены на расстоянии 0,4–0,5 м друг от друга, на высоте около 6,6 м от подошвы стен. Стреловидные вертикальные бойницы расположены в ряд, сравнительно высоко: верх «наконечника стрелы» нижнего ряда на первом этаже стрелковой галереи отмечен на высоте 2,5 м от подножия стены. Расстояние между бойницами составляет 1,95 и 1,85 м. Помимо бойниц внешние стены прорезаны квадратными световыми оконцами (0,25×0,25 м), находившимися на высоте 5 м от основания стены и на 1,3 м ниже гнезд балочного межэтажного перекрытия; расстояние между ними 4,5–4,75 м [Хожаниязов, 1997, с. 113].

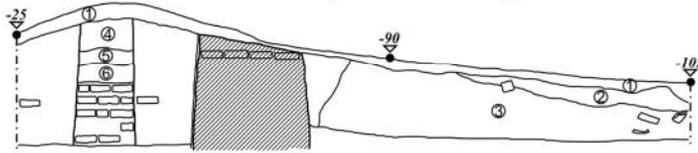
Раскопки Большого Кырк-Кыза были предприняты нами для того, чтобы определить перспективность дальнейших стационарных археологических раскопок памятника, а также, по возможности, выяснить характер и мощность культурного слоя. Кроме того, планировалось уточнить намеченную ранее предварительную периодизацию памятника.

Работы были начаты на двух объектах. Первый раскоп (Р – 1), площадью 110 кв. м (10×11 м), был заложен на гребне крепостной стены, в юго-западном углу крепости, приблизительно в 20–25 м от юго-западной башни. Стена на этом участке сильно размыта. Раскоп был разбит с таким расчетом, чтобы в его пределах, помимо крепостной стены, можно было выявить часть внутренней застройки цитадели, которая отчетливо прослеживается на местности (рис. 7). В ходе раскопок на этом участке полностью вскрыт участок стрелковой галереи по уровню, как можно предполагать, нижнего пола. Кроме того, раскопан значительный участок цитадели, примыкающий к оборонительной стене крепости.

Рис. 9. Большой Кырк-Кыз: план раскопа 1.

Восточный фас западного борта

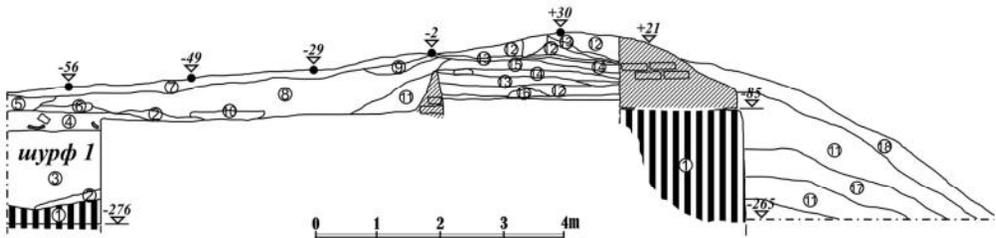
Условные обозначения:

- ① - плотный слоистый суглинок коричневого цвета
- ② - слой песка красно-желтого цвета с кирпичной крошкой (глиняной)
- ③ - рыхлый комковатый суглинок серого цвета
- ④ - плотная комковатая супесь с кирпичной крошкой
- ⑤ - плотная слоистая супесь серого цвета (натек)
- ⑥ - кирпичный завал
- ▨ - массив кирпичной стены

1

Западный фас восточного борта

Условные обозначения:

- ① - плотная пахса серого цвета
- ② - комковатый суглинок серо-желтого цвета
- ③ - рыхлая комковатая супесь серо-коричневого цвета с угольками и керамикой
- ④ - слой завала с кирпичной крошкой
- ⑤ - песок желтого цвета
- ⑥ - плотный песок красного цвета
- ⑦ - плотный слоистый суглинок коричневого серого цвета
- ⑧ - кирпичный завал
- ⑨ - рыхлый комковатый суглинок с карбонатами
- ⑩ - рыхлый комковатый суглинок с органикой серого цвета
- ⑪ - завал крупных фрагментов сырца
- ⑫ - плотная слоистая супесь серо-коричневого цвета
- ⑬ - органика коричневого цвета
- ⑭ - рыхлая супесь коричневого цвета с высоким содержанием органики
- ⑮ - слой органики зеленовато-коричневого цвета
- ⑯ - плотный слоистый суглинок серого серого цвета
- ⑰ - слоистая супесь с песком (натечи)
- ⑱ - рыхлая супесь с песком
- ▨ - массив кирпичной стены
- ▩ - массив из пахсы

2

Рис. 10. Раскоп 1: 1 – восточный фас западного борта; 2 – западный фас восточного борта.

В ходе раскопок установлено, что оборонительная стена крепости, во всяком случае, верхняя ее часть, сложена из квадратного сырцового кирпича размерами 37×38×10–12 см; 38×39×11 см; 37×39×12 см; 34×36×10–11 см. Достоверно установлена ширина стрелковой галереи (внутристенного коридора), которая составляет 3,10–3,20 м в восточной части раскопа и 3,50 м – в западной. Толщина внутренней стены галереи достигает 1,7–1,8 м (рис. 8–9). Внешняя стена галереи, ширина которой от 2 до 2,2 м, установлена пока приблизительно. На этом участке городища она практически полностью смыта (рис. 9).

В пределах внутристенного коридора, в площади раскопа зафиксировано три относительно одновременных уровня пола, которые, надо полагать, соответствуют поздним этапам обживания памятника в заключительный период его существования. Самый верхний и, судя по всему, самый поздний уровень пола открыт в юго-восточной части раскопа. Он зафиксирован на отметках -89 – -83 от реперной точки⁴. На этом же уровне открыта стена толщиной 0,45–0,50 м, сложенная из квадратного и прямоугольного сырцового кирпича размерами: 34×37×10 см; 47×35×9 см; 50×35×8–9 см; 39×35×10 см. Она ориентирована по линии ЮВ-СЗ и, таким образом, перегораживает стрелковую галерею.

С западной стороны, вплотную к стене, расчищена кирпичная вымостка, сложенная из такого же квадратного и прямоугольного кирпича, что и стена. Верх кирпичной кладки зафиксирован на отметке -80 – -83 от реперной точки. Ширина ее не превышает 40 см (один кирпич). Непосредственно на уровне кирпичной вымостки, на расстоянии 1,6 м от внутреннего фаса внешней стены галереи, обнаружен фрагмент каменного жернова из плотного песчаника серо-коричневого цвета. Диаметр самого жернова установить не представляется возможным, можно лишь предполагать, что он был не менее 70–80 см. Диаметр центрального отверстия – 7–9 см. На расстоянии 30 см от жернова и 1,1 м от внешней стены галереи расчищена ямка (столбовая?) диаметром 25 см, которая вырублена в кирпичной кладке. Не вызывает сомнения, что конструкции у стены, как и сама стена, относятся к позднему этапу последнего периода жизни памятника. Однако, по всей видимости, это был все-таки не финальный этап. Выявленные в юго-восточной части раскопа строительные конструкции, относящиеся к позднему этапу верхнего строительного периода, перекрыты чередующимися слоями супеси различной плотности с высоким содержанием органики коричневого цвета толщиной 10–18 см, а также органики зеленовато-коричневого цвета толщиной 14–16 см (рис. 10,2).

Второй сверху уровень пола в пределах стрелковой галереи зафиксирован в центральной части раскопа на отметке -95 от реперной точки. На отдельных участках раскопа он прослеживается в виде не очень плотной утопанной поверхности с обильными включениями карбонатов. На расстоянии 4,1 м от поздней стены, описанной выше, на этом же уровне обнаружена кладка из кирпичей размером 50×27×? см; 50×30×? см; 50×25×? см. Они уложены в один ряд перпендикулярно стенам стрелковой галереи. Назначение этой кладки пока остается неясным. Не исключено, что это нижняя часть стены, которая по каким-то причинам была срублена на одном из поздних этапов существования памятника.

В юго-западной части раскопа, на расстоянии 6,5 м от восточной бровки обнаружена нижняя часть еще одной, кирпичной стены, идущей перпендикулярно стенам галереи (рис. 9). Она была построена из квадратного сырцового кирпича размерами 40×37×12 см; 37×35×10 см; 40×42×12 см. Сохранился лишь небольшой отрезок этой стены длиной 1,6 м. Ширина ее установлена достоверно – 0,9 м (два кирпича). Также достоверно удалось выявить проход шириной не менее 1 м между торцом этой стены и внутренней стеной галереи. Таким образом, установлено, что отсеки или помещения внутристенной галереи соединялись между собой проходами (рис. 9). Непосредственно в проходе выявлены лежа-

⁴ За репер принята точка на гребне крепостной стены к западу от раскопа 1.

шие плашмя квадратные сырцовые кирпичи: $40 \times 40 \times 12$ см; $40 \times 42 \times 12$ см. Остается пока неясным: являются ли эти кирпичи вымосткой пола или это нижняя часть заклада?

Самый нижний, на данный момент, уровень пола в виде плотной глиняной обмазки светлого серо-коричневого цвета частично открыт в юго-западной части раскопа на отметках -132 – -134 от реперной точки. Непосредственно на уровне пола залегал слой сравнительно плотной супеси с высоким содержанием органо-минеральных отложений зеленовато-коричневого цвета. На расстоянии 2,8 м к западу от описанной выше стены обнаружена еще одна стена, перегородивающая стрелковую галерею. По сути, восточная ее грань является западной бровкой раскопа. Эта стена, которая сохранилась на высоту чуть более 2 м от нижнего пола, построена из квадратного сырцового кирпича такого же формата, что и внутренняя стена стрелковой галереи: $38 \times 38 \times 12$ см; $39 \times 39 \times 12$ см; $37 \times 38 \times 12$ см; $37 \times 37 \times 12$ см. В ней, на расстоянии 1,2 м от внутренней стены галереи, обнаружен проход, ведущий на запад, в юго-западный отрезок внутрисканного коридора (рис. 9). Ширина прохода в нижней части, которая плотно заложена сырцовым кирпичом на глиняном растворе, была 1 м. В верхней части он был немного уже – 0,88 м, что позволяет предполагать здесь арочное перекрытие. Есть все основания считать, что эта стена относится к более раннему периоду, чем стены, о которых говорилось выше. Не исключено, что деление стрелковой галереи на отсеки было запланировано уже в процессе строительства крепостной стены, и тогда открытую в западной части раскопа стену следует отнести к раннему периоду существования памятника.

Внешняя стена стрелковой галереи, как уже отмечалось выше, практически полностью смыта до уровня нижнего (3-го сверху) пола на всей площади раскопа. Лишь в юго-западной части раскопа удалось расчистить небольшой участок кирпичной стены, возведенной на мощном пахсовом основании. Низ кирпичной кладки зафиксирован на отметке -85 от реперной точки. Ширина кирпичной стены, сложенной из крупноформатного квадратного сырцового кирпича размерами $43 \times 43 \times 11-12$ см; $42 \times 42 \times 11-12$ см, была около 2 м (рис. 9). Установить ширину пахсового цоколя на данном этапе исследования не представляется возможным.

В пределах раскопа 1 исследованы верхние культурные слои, примыкающие к крепостной стене со стороны городища. Капитальных жилых построек здесь пока не выявлено (рис. 8–9). В западной части раскопа, на уровне -15 – -20 от реперной точки обнаружена стена, по всей видимости, поздняя, которая вплотную примыкала к внутренней стене галереи со стороны городища. Ширина этой стены достигает 0,5–0,55 м, длина – 4,35 м (рис. 10). Она сложена из прямоугольного ($50 \times 27-30 \times 8-9$ см) и квадратного ($37 \times 35 \times 10$ см) сырцового кирпича и прослежена до уровня -164 – -165 от реперной точки. Назначение ее пока непонятно, не исключено, что это подпорная стенка, необходимость в которой возникла на последнем этапе интенсивного периода жизни памятника.

На вскрытом участке в пределах цитадели отмечено два жилых уровня, которые представляют собой в большей или в меньшей степени утопанные поверхности. Самая верхняя такая поверхность (возможно, двор), надо полагать, относительно поздняя, зафиксирована на отдельных участках северной и северо-восточной части раскопа на уровне -100 – -107 от реперной точки. Здесь же зафиксированы беспорядочные скопления фрагментов крупных тарных сосудов. Участок второго сверху жилого уровня, возможно, двора цитадели (?), открыт в северо-западной части раскопа на уровне -164 – -173 от реперной точки. Он также представляет собой более или менее утопанную, не совсем ровную поверхность.

Культурные слои, которые с уверенностью можно было бы соотнести с периодом интенсивного обживания памятника, на вскрытом участке цитадели пока не выявлены. Все культурные напластования, мощность которых колеблется от одного до полутора метров, вскрытые в этой части раскопа, относятся к периоду разрушения крепостной стены. Это

слои рыхлого комковатого суглинки с кусками сырцовых кирпичей и кирпичной крошкой. Непосредственно около стены, особенно в северо-восточной части раскопа – это плотный кирпичный завал, мощность которого уменьшается по мере отдаления от внутренней грани стены. На некоторых участках слои комковатого суглинки и кирпичного завала перекрываются или перемежаются песчаными линзами и слоями натексов (рис. 10).

С целью выяснения характера культурных напластований нижних слоев в пределах цитадели в северо-восточном углу раскопа был сделан небольшой зондаж, доведенный до уровня -276 от реперной точки. Каких-либо архитектурных остатков в пределах зондажа не обнаружено. Под нижним жилым уровнем, которой зафиксирован в этой части раскопа на отметке -126 от реперной точки, идет слой рыхлой комковатой супеси с древесными угольками, включениями золы и керамики. Он, возможно, соответствует времени интенсивного обживания цитадели, предшествующему позднему периоду жизни памятника, к которому относятся стены, открытые в восточной части стрелковой галереи. Мощность этого слоя достигает 0,9–1,2 м. Его подстилает слой плотной пахсы серого цвета, который частично перекрыт слоем комковатого суглинки серого цвета толщиной 10–12 см.

Раскопки на Большом Кырк-Кызе только начались, и по результатам работ первого полевого сезона, в ходе которых на небольшой площади вскрыты верхние культурные напластования на юго-западном участке крепостной стены, было бы неправильным делать какие-либо серьезные выводы. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что полученные нами данные подтверждают высказанные ранее предположения о времени строительства оборонительной системы Большого Кырк-Кыза в IV–II вв. до н.э. Кроме того, теперь ясно, что стрелковая галерея уже на раннем этапе жизни памятника была разделена на отсеки. Поперечная стена, открытая в западной части раскопа 1, была построена в ранний период функционирования системы фортификации Большого Кырк-Кыза. Видимо, в более поздние периоды, когда оборонительная система уже утратила свое первоначальное значение, галерея использовалась под жилье, о чем говорит наличие поздней стены, обнаруженной в восточной части раскопа, а также жернова и очага рядом с этой стеной.

О ранней дате строительства свидетельствуют и многочисленные находки явно перетолженных фрагментов керамики, относящихся к древнехорезмийскому периоду. В основном это части стенок крупных сосудов (хумы, хумчи, крупные горшковидные сосуды) с росписью красной ангобной краской на внешней поверхности. На некоторых фрагментах угадываются такие декоративные элементы, как «спираль», «потеки», «треугольники», столь характерные для древнехорезмийского керамического комплекса IV–II вв. до н.э. (рис. 11, 10, 11). Необходимо также отметить фрагмент женской терракотовой статуэтки, от которой сохранилась только нижняя часть (рис. 11, 1). Как можно предполагать по сохранившимся деталям одежды, это – хорошо известный в Хорезме тип антропоморфной терракоты: женщина, закутанная в покрывало и одетая в длинное платье, подол которого орнаментирован перлами. Рельефная полоса, идущая, как можно предполагать, от середины левой руки к подолу, возможно, имитирует край покрывала. Этот тип терракотовых статуэток достаточно широко представлен в комплексах Хорезма античного периода, например в Кой-Крылган-кале [Воробьева, 1967(2), с. 185].

Кроме того, в комплексе подъемного материала обращает на себя внимание фрагмент зооморфного слива в виде головы быка (рис. 11, 2). Не исключено, что это фрагмент протомы керамического ритона. Такие сосуды являются одной наиболее характерных форм глиняной посуды в древнехорезмийском керамическом комплексе [Воробьева, 1959, с. 109; Вайнберг, 2004, с. 164–167] и, похоже, позднее рубежа эр не встречаются.

Большая часть керамики, полученной в результате раскопок, происходит из верхних слоев во дворе цитадели. Кроме того, несколько профильных фрагментов сосудов найдено в слое под вторым жилым уровнем двора цитадели. Обращает на себя внимание тот факт, что в комплексе явно преобладают фрагменты светло-ангобированных кувшинов и

горшков с обильными примесями гипса крупных фракций. Характерным типобразующим признаком этих сосудов является усеченно-коническая четко выраженная горловина и сравнительно крутые плечики (рис. 11, 5,6,8,9). Эта группа керамики находит себе многочисленные аналогии в керамических комплексах Хорезма позднеантичного периода, прежде всего среди сосудов из среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы, которые датируются в пределах II–IV вв. н.э. [Воробьева, 1967(1), с. 123–124, 325, табл. X]. Кроме того, определенное сходство обнаруживается с керамикой второй группы из Елхараса (Южный Хорезм), которая на основании нумизматических данных датируется концом III–IV вв. н.э. [Левина, 2001, с. 77–83], а также с комплексом II в. н.э. дома № 2 Джанбаскалинского поселения, где широко представлена гончарная светлоангобированная посуда [Неразик, 1987, с. 159–175]. Отметим и фрагмент верхней части красноангобированного кувшина с боковой ручкой, резко отогнутым наружу венчиком и хорошо выраженным утолщением в верхней части горловины (рис. 11,4). Этот кувшин находит себе практически полные аналогии в комплексе среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы [Воробьева, 1967(1), с. 322, табл. IX, 2–6] и среди керамики Джанбаскалинского поселения [Неразик, 1987, с. 163, рис. 3].

На основании анализа данных стратиграфии и керамического материала сейчас можно предварительно выделить три периода существования Большого Кырк-Кыза:

1 – строительство крепостных стен и начальный этап застройки относятся к древнехорезмийскому периоду IV–II вв. до н.э., когда страна уже вышла из-под власти Ахеменидов [Балахванцев, 2006].

2 – интенсивный период обживания городища датируется первой половиной I тыс. н.э.

3 – период частичного обживания памятника, когда в его окрестностях активно функционировали ремесленные мастерские, относится к раннему средневековью (VI–VIII вв. н.э.).

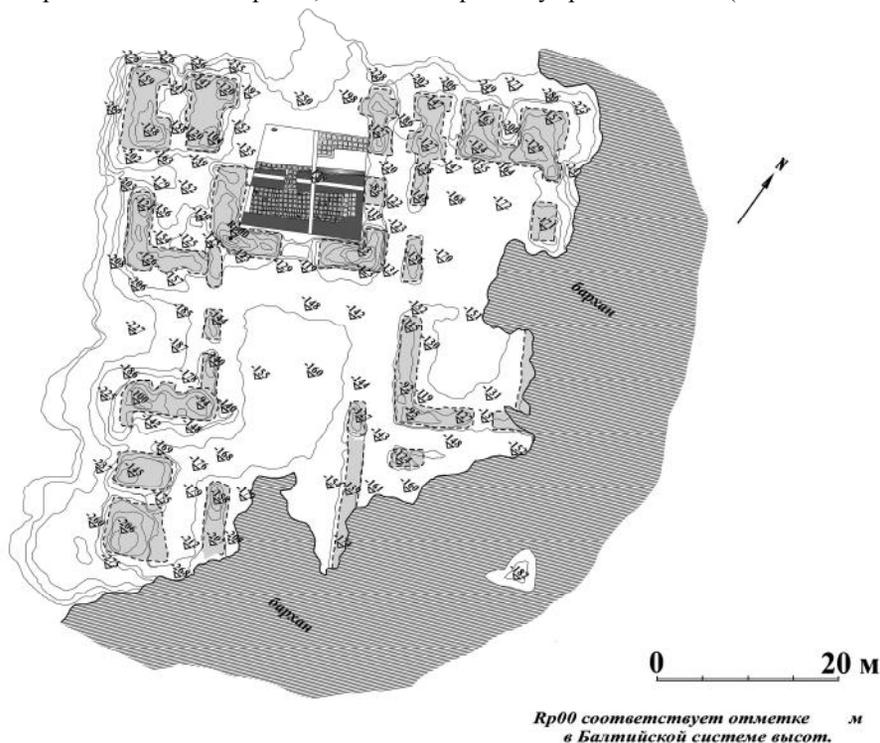

Рис. 12. Западный загородный комплекс: план.

няной обмазки, с помощью которой укреплялись стойки или столбы. Какой-либо системы в расположении ямок в пределах помещения II не прослеживается, однако если ограничиться только теми, которые имели глиняную обмазку, то можно предположить, что такие ямки составляли в плане прямоугольник, а отсутствующая четвертая ямка находится под южной стеной помещения II, юго-восточнее отметки -207 (рис. 13)

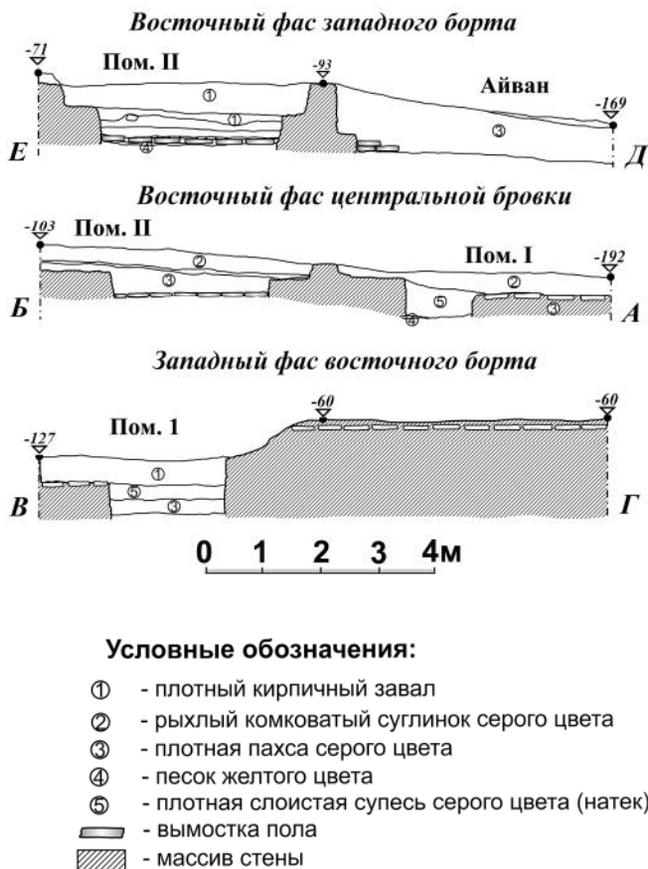

Рис. 14. Раскоп 2: разрезы.

Стены помещения, которые также сложены из квадратного кирпича, сохранились на высоту 1–1,2 м. Заполнение помещения представляет собой кирпичный завал различной плотности, а в его западной части отмечены линзы прокаленной до красного цвета глиняной крошки (рис. 14). Так как стены помещения не обожжены, то можно с уверенностью говорить, что пожара в нем не было. В слое кирпичного завала, в центральной и восточной частях раскопа было найдено несколько фрагментов лессовой штукатурки, на которую был нанесен слой тонкой ганчевой штукатурки-побелки. На некоторых фрагментах угадывались следы росписи (?) черного, темно-синего и красно-коричневого цвета (рис. 15, 1, 2). В этом же слое обнаружен небольшой фрагмент глиняной обмазки, покрытый сравнительно толстым слоем ярко-синей краски (ультрамарин?) (рис. 15, 4).

В западной части раскопа в нижнем слое завала был найден фрагмент, по всей видимости, антропоморфной скульптуры. Можно предполагать, что это часть фаланги пальца руки, на котором угадывается очерченный ноготь(?). Фрагмент изготовлен (вылеплен)

из хорошо отмученной глины серо-коричневого цвета и покрыт светлой красно-коричневой краской, нанесенной на тонкий ганчевый «грунт» (рис. 15,3). На уровне кирпичной вымостки сколь-нибудь значимого культурного слоя, который бы соответствовал периоду обживания здания, не отмечено. Условия находки фрагментов штукатурки со следами настенной росписи дают основания предполагать, что они попали в помещение II сверху, возможно, когда разрушалась стена, отделяющая, как мы предполагаем, входной комплекс от основной части здания. Что касается фрагмента глиняной скульптуры, то, учитывая отсутствие рядом с ним других, более крупных фрагментов статуи (или статуй) и заметное понижение рельефа внутри раскопа с юга (отметка -139) на север (отметка -204), он, скорее всего, попал в помещение II из находящегося к югу от него большого зала или двора (рис. 12).

К северу от помещения II открыта западная часть коридорообразного помещения I шириной не более 1 м и восточная часть двора или айвана, которые сообщались между собой через проход шириной 1,1–1,15 м (рис. 13). Отметим, что ни в помещении I, ни в пределах айвана следов кирпичной вымостки не зафиксировано. Работы здесь были приостановлены на отметках -237 – -242 от реперной точки. Вместе с тем вдоль южной стены айвана расчищена вымостка из квадратного сырцового кирпича размерами 42×42×12 см; 44×42×10–11 см; 40×40×10–12 см. Ширина вымостки не превышает 50 см (один кирпич). У западной бровки раскопа ширина ее немного больше – 70 см, т.е. полтора кирпича (рис. 13). Возможно, она продолжается и в помещении I, но здесь она пока выявлена не столь четко.

В помещении I кладка южной стены была комбинированной. Верхние два – три ряда кирпичей были положены на слой пахсы серого цвета, под которым находился ряд кирпичей, лежащих на песчаной подсыпке толщиной не более 10 см. Ниже располагался еще один ряд кирпичей, немного выступающий за вертикальную линию стены. На основании этого факта можно предположить⁵, что нижние ряды открытых на этом участке раскопа кирпичей являются верхней частью кладки субструкционной клетки цоколя здания. В связи с этим следует отметить, что слой плотного кирпичного завала, мощность которого у южной стены достигает около полутора метров, являющегося, собственно, основным заполнением помещения I, залегает на слое плотной пахсы серо-желтого цвета. Поэтому не исключено, что пахсой была забутована или вся субструкционная клетка или, во всяком случае, верхняя ее часть.

В ходе раскопок культурного слоя, свидетельствующего о периоде интенсивного обживания памятника, на уровнях пола помещений практически не выявлено. Возможно, это объясняется тем, что раскопками была затронута только входная часть здания. Между тем в завалах и в натечных слоях найдено некоторое количество керамики. По большей части, это фрагменты стенок крупных тарных сосудов – хумов, хумчей, крупных горшковидных сосудов. На внешней поверхности многих из них присутствует роспись красной ангобной краской (рис. 16). Среди прочих следует отметить фрагмент крупного толстостенного сосуда, орнаментированного, скорее всего, по верхней части тулова прочерченными треугольниками вершиной вниз, которые закрашены красной краской (рис. 16,1). Кроме того, обращают на себя внимание фрагменты толстостенных сосудов, украшенные с внешней стороны ритмичными вертикальными потеками красной краски и, возможно, спиралями (рис. 16, 2,4,6), которые являются непременной составляющей древнехорезмийского керамического комплекса IV–II вв. до н.э. Видимо, этим временем и следует предварительно датировать немногочисленный керамический материал, полученный в ходе раскопок ЗЗК.

⁵ Пока раскоп на этом участке не доведен до материка, предположения носят чисто гипотетический характер.

По результатам раскопок, предпринятых в 2019 г., пока еще рано говорить что-либо конкретное о функциональном назначении Западного загородного комплекса. О явно неординарном статусе этого памятника свидетельствуют находки фрагментов ганчевой штукатурки со следами полихромной живописи и монументальной скульптуры из необожженной глины, а также – сам план здания, который фиксировался еще до раскопок (рис. 12). Безусловно, центральной доминантой всего комплекса был большой прямоугольный зал или, скорее всего, двор площадью не менее 450 кв. м. По периметру центрального зала в западной части холма и, возможно, в южной, прослеживается анфилада небольших помещений. В северо-восточной части здания, вероятно, был еще один прямоугольный в плане зал, площадью не менее 300 кв. м, отделенный от центрального зала осевым коридором.

Если наши предположения по поводу входного айвана верны, то следует обратить внимание на два квадратных, почти одинаковых по размерам помещения по обе его стороны. В данном случае можно провести параллели с иранскими храмами огня, где непременным атрибутом планировочной схемы являются парные прямоугольные комнаты-клетки, расположенные на фасадной стороне здания, по обе стороны входного айвана. Эти помещения однозначно трактуются как *атеишахи*, в которых поддерживался постоянный огонь [Пичикийн, 1991, с. 145; Литвинский, Пичикийн, 2000, с. 206, табл. 58, 59]. Еще одной характерной особенностью планировочной схемы иранских храмов огня считается наличие крытого айвана перед центральным входом и двора – теменоса перед храмом [Литвинский, Пичикийн, 2000, с. 205]. По мнению С.Б. Болелова, часть айвана Загородного комплекса, похоже, открыта в ходе раскопок 2019 г. Вместе с тем, как предполагает А.С. Балахванцев, нельзя исключать, что центральный вход в ЗЗК и главный айван находились с западной стороны.

Обращает на себя еще одна особенность планировочной схемы Загородного комплекса, а именно – наличие осевого коридора, делящего здание на две части. При этом их планировка, судя по видимым следам стен, была разной. Можно предполагать, что и функциональное назначение их было различным. В данном случае напрашивается параллель с дворцом – «Большим домом» на цитадели городища Бабиш-Мулла 1, где центральный осевой коридор также разделял здание на две различные и по планировке, и по функциональному назначению части. Судя по планировочной схеме, восточная часть дворца могла быть храмом, а западная – жилой или парадной [Толстов, 1962, с. 160, рис. 89; Вайнберг, Левина, 1993, с. 23; Курманкулов, Болелов, Утубаев, 2019, с. 306–314]. Весьма вероятно, что аналогичная ситуация могла быть и в Западном загородном комплексе. Впрочем, подтвердить или опровергнуть выдвинутые предположения смогут только будущие раскопки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Амброз А.К. *Фибулы юга европейской части СССР*. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. Москва: Наука, 1966 [Ambroz A.K. *Brooches of the Southern European Part of the USSR*. Corpus of Archaeological Sources. Iss. D1-30. Moscow: Nauka, 1966].

Амиров Ш., Ходжалепесов И. Археологические разведки на Восточном Устюрте. *Вестник Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан*. 2015. № 4 (245). С. 140–146 [Amirov Sh., Khodzhalpesov I. Archaeological Research in the East Ustyurt Region. *Journal of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan Republic*. 2015. No. 4 (245). Pp. 140–146].

Андрианов Б.В. *Древние оросительные системы Приаралья*. М.: Наука, 1969 [Andrianov B.V. *Ancient Irrigation Systems of the Aral Region*. Moscow: Nauka, 1969].

Балахванцев А.С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект. *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Т. II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 367–373 [Balakhvantsev A.S. To the Question of Cho-

rasmia's Separation from the Achaemenids: A Source-Study Aspect. *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society*. Vol. II. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. Pp. 367–373].

Боделов С.Б. Керамика. *Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.: «Восточная литература», 2004. С. 93–147 [Bolelov S.B. Ceramics. *Kalaly-Gyr 2: A Cult Center in Ancient Chorasmia in the 4th–2nd Centuries BC*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2004. Pp. 93–147].

Вайнберг Б.И. Культурная керамика и памятники искусства. *Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.: «Восточная литература», 2004. С. 164–187 [Weinberg B.I. Ritual Ceramics and the Art Objects. *Kalaly-Gyr 2: A Cult Center in Ancient Chorasmia in the 4th–2nd Centuries BC*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2004. Pp. 164–187].

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура. *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. I. М., 1993 [Weinberg B.I., Levina L.M. Chirikrabad Culture. *The Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity*. Moscow, 1993].

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. *Керамика Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. IV. М.: Наука, 1959. С. 63–220 [Vorobieva M.G. Pottery of Chorasmia of the Ancient Period. *Pottery of Chorasmia. Proceedings of the Chorasmian expedition*. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1959. Pp. 63–220].

Воробьева М.Г. Керамика. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* Труды Хорезмской экспедиции. Т. V. М.: Наука, 1967(1). С. 102–131 [Vorobieva M.G. Ceramics. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia of the 4th Century BC – 4th Century AD. Proceedings of the of the Chorasmian expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967(1). Pp. 102–131].

Воробьева М.Г. Памятники искусства: I Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* Труды Хорезмской экспедиции. Т. V. М.: Наука, 1967(2). С. 173–219 [Vorobieva M.G. Works of Art: I Terracotta, Reliefs and Alabaster Figurines. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia of the 4th Century BC – 4th Century AD. Proceedings of the of the Chorasmian expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967(2). Pp. 173–219].

Гулямов Я.Г. *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*. Ташкент: изд-во АН УзССР, 1957 [Gulyamov Ya.G. *The History of the Irrigation of Chorasmia from Ancient Times to the Present Day*. Tashkent: Uzbekistan Republic Academy of Sciences Publishing House, 1957].

Курманкулов Ж.К., Боделов С.Б., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Бабиш-Мулла I в 2018 году. *Маргулановские чтения – 2019*. Нур-Султан, 2019. С. 301–315 [Kurmankulov Zh. K., Bolelov S. B., Utubaev Zh. Archaeological Research on the Settlement of Babish-Mulla I in 2018. *Margulanov Readings-2019*. Nur-Sultan, 2019. Pp. 301–315].

Левина Л.М. *Древнехорезмийский памятник – Елхарас*. М.: ИЭА РАН, 2001 [Levina L.M. *Ancient Chorasmian Monument Elharas*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 2001].

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь*. М.: «Восточная литература», 2000 [Litvinskiy B.A., Pichikian I.R. *Hellenistic Temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan), Vol. I. Excavations. Architecture. Religious Life*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000].

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура. *Археология СССР. Стены европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 1989. С. 191–202 [Moshkova M. G. Late Sarmatian Culture. *Archaeology of the USSR. Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Times*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 191–202].

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства. *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 186–196 [Moshkova M.G. Brooches from the Late Sarmatian Burials of the Southern Urals: Chronology and Production. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Iss. 3. Volgograd, 2000. Pp. 186–196].

Неразик Е.Е. *Сельские поселения Афригидского Хорезма*. М.: Наука, 1966 [Nerazik E.E. *Rural Settlements of Afrigid Chorasmia*. Moscow: Nauka, 1966].

Неразик Е.Е. Археологический комплекс первых веков н.э. из Хорезма. *Советская археология*. 1987. № 2. С. 159–175 [Nerazik E. E. The Archaeological Complex of the First Centuries AD from Chorasmia. *Soviet Archaeology*. 1987. No. 2. Pp. 159–175].

Пичикян И.Р. *Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды)*. М.: Наука, 1991 [Pichikian I.R. *Culture of Bactria (Achaemenid and Hellenistic Periods)*. Moscow: Nauka, 1991].

Скрипкин А.С. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984 [Skripkin A. S. *The Lower Volga River Region in the First Centuries of Modern Era*. Saratov: University Press, 1984].

Толстов С.П. *Древний Хорезм*. М.: изд-во МГУ, 1948 [Tolstov S.P. *Ancient Chorasmia*. Moscow: MSU Publishers, 1948].

Толстов С.П. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.: Изд-во Восточная литература, 1962 [Tolstov S.P. *Along the Ancient Deltas of the Oks and the Yaksart Rivers*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962].

Хожаниязов Г.Х. Большая Кыр-Кыз-кала (К вопросу о функции и хронологии). *Вестник Каракалпакского Отделения АН Республики Узбекистан*. 1997. № 3. С. 113–116 [Khozhaniyazov G.Kh. Greater Kir-Kyz-Kala (On Its Function and Chronology). *Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*. 1997. No. 3. Pp. 113–116].

Ягодин В.Н., Китов Е.П., Ягодин Д.В. Типология погребальных комплексов могильника Казыбаба I во II–IV вв. н.э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного чинка Устюрта). *Stratum plus*. 2017. № 4. С. 357–379 [Yagodin V.N., Kitov E.P., Yagodin D.V. The Typology of Funerary Complexes of the Kazybaba I Cemetery in 2nd – 4th Centuries AD (on the origins of the nomads of the Ustyurt south-east edges). *Stratum Plus*. 2017. No. 4. Pp. 357–379].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КИТОВ Егор Петрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Egor P. KITOV, PhD (History), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Research Fellow of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

БОЛЕЛОВ Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока, Москва, Россия.

Sergey B. BOLELOV, PhD (History), Senior Research Fellow, The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia.

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.